

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

T. Stolz, S. Kettler, C. Stroh, A. Urdze. Split possession. An areal-linguistic study of the alienability correlation and related phenomena in the languages of Europe. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2008. (Studies in language companion series. V. 101.) x + 646 p.

Изучение европейских языков в типологической перспективе – направление, популярное в западной лингвистике приблизительно с начала 1990-х годов. Достаточно вспомнить известный проект «Евротип» (Eurotyp), в котором участвовали представители разных стран и в рамках которого вышел ряд сборников, посвященных типологическому освещению европейского ареала. К этому же направлению относится обсуждаемая ниже монография Т. Штольца, С. Кеттлер, К. Штро и А. Урдзе «Расщепленная посессивность», объектом исследования в которой стало выражение посессивности в языках Европы. Однако работа Штольца и его соавторов выросла из самостоятельного проекта и выглядит новаторской даже на фоне детальных описаний посессивных конструкций в проекте «Евротип», предпринятых М. Копчевской-Тамм (см., например [Kortjevskaja-Tamm 2003]). Это касается как методологии (широкое использование корпусов текстов), так и предмета поисков авторов: монография выросла из попытки проследить для европейских языков следы противопоставления, на первый взгляд, достаточно экзотического, – оппозиции между отторжимой и неотторжимой принадлежностью.

Под расщепленной посессивностью в книге понимается наличие в языке нескольких однотипных посессивных конструкций. При этом не имеются в виду противопоставления, ощущаемые авторами (отчасти под влиянием работы [Heine 1997]) как универсальные, тривиальные и не связанные с собственно семантикой посессивных конструкций – оппозиции между приименными и предикатными посессивными конструкциями (*машинка Дани* vs. *У Дани есть машинка*), между так называемыми HAVE-конструкциями и BELONG-конструкциями (*У Дани есть машинка* vs. *Эта*

машинка – Данина) и между приименными конструкциями с местоименным посессором и «генитивными конструкциями» с неместоименным посессором (*твоя машинка* vs. *машинка Дани*). Очевидно, что даже если не брать в расчет перечисленные противопоставления, расщепленная посессивность все равно широко распространена в Европе. Задача труда Штольца и его соавторов состояла в том, чтобы проанализировать принципы, отвечающие за выбор той или иной конструкции в условиях расщепленной посессивности, для одних языков подробнее, для других – более кратко.

Монография состоит из трех частей. В трех главах первой части излагаются теоретические взгляды авторов на семантику посессивности и типологию средств ее выражения, а также поясняется методология исследования. Вторая часть состоит всего из двух глав, но при этом занимает 420 страниц и, безусловно, образует ядро монографии. Здесь обсуждаются данные, которые легли в основу исследования: сначала авторы скрупулезно рассматривают системы посессивных конструкций в мальтийском языке, в северогерманских языках (преимущественно на материале исландского) и в кельтских языках, после этого в меньших деталях обсуждается расщепленная посессивность в ряде других европейских языков. Наконец, последняя часть включает единственную главу, формулирующую результаты исследования.

Посессивность для авторов монографии – это категория семантическая, а не грамматическая (аналогичная точка зрения, вообще говоря, неочевидная, высказывалась и в ряде отечественных работ, касающихся посессивности; ср. [Иванов (ред.) 1989; Чинчлей 1990; Бондарко (ред.) 1996]). Из этого следует, в частности, что разные типы посессивных конструкций, перечисленные выше, объединяет

именно семантика, пусть даже – и это Штольц и его соавторы вполне допускают – основанная на прототипе и допускающая отклонения от него (глава 2). Поскольку авторы исходят из семантики, в сферу рассмотрения в книге входят все конструкции, способные, по мнению авторов, выражать посессивные отношения – и не только перечисленные выше, но и так называемые *о р н а т и в ы* (конструкции вида *голубоглазый мальчуган*, выражающие посессивные отношения внутри именной группы с посессором в качестве главного слова) и *к о н ф е т и в ы* (конструкции вида *следователи ходили с воспаленными глазами*, аналогичные орнативам, но не предполагающие непосредственных синтаксических отношений между посессором и объектом обладания). Здесь, кстати, исследование смыкается с предыдущей монографией, опубликованной группой Штольца [Stolz et al. 2006] и посвященной типологии комитативных конструкций, поскольку там орнативы и конфетивы тоже рассматривались.

Теоретически при противопоставлении разных посессивных конструкций могут быть релевантны (i) тип объекта обладания, (ii) тип отношения и (iii) тип посессора. В монографии внимание в первую очередь уделяется только первым двум из этих факторов (которые, к тому же, не всегда различимы, поскольку лексическая семантика объекта обладания может определять и тип отношения). Что же касается типа посессора, то контраст конструкций по данному параметру представляется авторами периферийным: еще в начале монографии обнаруживается несколько неожиданное утверждение, что при исследовании посессивности обычно перебираются признаки объекта обладания, в то время как признаки посессора остаются неизменными (с. 25).

Как уже говорилось, в первую очередь авторов интересует противопоставление между неотторжимой и отторжимой принадлежностью, хорошо описанное для многих языков Австралии, Океании, Африки (см. в первую очередь [Chappell, McGregor (eds.) 1996]), но на материале европейских языков обсуждавшееся не очень активно (но см. уже хотя бы [Журинская 1979] для русского). Состав категорий отторжимой и неотторжимой принадлежности в монографии понимается традиционно: к неотторжимой принадлежности относятся в первую очередь обозначения частей тела и термины родства. Штольц и его соавторы и этой категории приписывают семантическую мотивацию (с. 29–31), полемизируя тем самым с работами Дж. Николс [Nichols 1988; 1992], настаивающими на том, что семантическая мотивация формального противопостав-

ления по (не)отторжимости в лучшем случае вторична. В силу постулируемой семантической основы контраста по отторжимости для авторов не так важно то, в какой конструкции выражается особый статус неотторжимых объектов обладания по отношению к отторжимым (заметим, что Николс в своих работах рассматривала только приименные посессивные конструкции). Так, например, в фарерском языке предикатные посессивные конструкции выделяют в отдельную категорию термины родства, в то время как приименные посессивные конструкции противопоставляют всем прочим объектам обладания термины родства и обозначения частей тела. Как подчеркивают авторы, «эта система более или менее гомогенна в том, что в каждой области синтаксиса выделяется по меньшей мере один класс неотторжимых объектов обладания» (с. 481).

Хотя оппозиция по отторжимости / неотторжимости и находится постоянно в фокусе исследования, она не является единственным противопоставлением, значимым для выбора той или иной посессивной конструкции. Во-первых, авторы не могли обойти вниманием известное противопоставление, основанное на постоянности / временности выражаемого отношения. Во-вторых, для приименных конструкций в книге выделяется целый класс факторов, которые не воспринимаются авторами как собственно семантические (в качестве критерия семантической в данном случае выступает, по-видимому, независимость фактора от контекста). Речь идет об определенности / неопределенности (или референтности / нереферентности) объекта обладания, о синтаксической сложности именной группы, прежде всего, о наличии у объекта обладания собственных определений, и о «прагматических» факторах, в частности, о фокусном выделении одного из участников конструкции. В-третьих, авторы с удивлением констатируют, что во многих европейских языках на выбор конструкции оказывает влияние и тип посессора (с. 405).

Для выявления факторов, влияющих на выбор той или иной конструкции, группа Штольца проделала огромную работу, проанализировав тексты на множестве европейских языков. И здесь следует заметить, что «Расщепленная посессивность» – это в какой-то мере корпусное исследование: для сравнения языков здесь нередко используются так называемые «параллельные корпуса», т.е. переводы одних и тех же произведений на разные языки. В данном случае авторы использовали серию романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере и сказку А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц», выбор которых, конечно, в

значительной степени обусловлен тем, что они переведены на подавляющее большинство европейских языков.

Во многом использование корпусов текстов обусловлено тем, что выводимые в книге закономерности не всегда являются жесткими. Соответственно, именно корпуса текстов позволяют авторам показать, что выбор конструкции может быть мотивирован не только ее непосредственными участниками, но и контекстом. Это становится особенно очевидно в тех (вовсе не редких) случаях, когда авторы обнаруживают единичные примеры, казалось бы, противоречащие их выводам, но обращение к контексту дает ключ к решению проблемы. Кроме того, в большинстве исследованных в монографии систем, по-видимому, не существует жестких формальных правил, определяющих дистрибуцию той или иной конструкции, – и поэтому для того, чтобы понять, что влияет на выбор говорящего, в книге нередко используются статистические подсчеты, тоже требующие немалой работы с текстами. Думается, что именно ориентация на корпуса текстов дала авторам возможность сделать ряд тонких обобщений, хотя, конечно, в какой-то степени и создала для них новые проблемы (например, некоторые наблюдаемые в корпусах типы распределения авторы пытаются объяснить действием «прагматических факторов», в то время как вычисление таких факторов на основе ограниченного текста не всегда выглядит убедительно). Следует сказать, что в типологически ориентированных работах Копчевской-Тамм по европейским приименным посессивным конструкциям корпусный аспект если и присутствовал, то оставался на втором плане. В этом отношении ее исследования и «Расщепленная посессивность» выгодно дополняют друг друга.

Крайне любопытная сторона работы связана с исследованием ареального распределения конструкций. Хотя его подробное обсуждение не входило в намерения авторов, книга включает множество карт ареального распределения тех или иных типов выражения посессивности – таких как, например, способы оформления орнативов и конфетивов. При этом оказывается, что их географическое распределение, с одной стороны, не всегда соответствует границам между генетическими общностями, а с другой стороны, никоим образом не является случайным.

Из сказанного не следует, что «Расщепленная посессивность» дает полностью исчерпывающее описание посессивных конструкций в языках Европы. Сама ориентация на письменные языки и тем более на конкретные тексты, естественно, в значительной степени

обедняет материал. Дело не только в том, что многие явления не проникают в литературный язык (да и не все языки имеют литературный вариант). Метод исследования параллельных корпусов имеет очевидные социолингвистические недостатки: странно было бы ожидать, например, что книги вроде романов о Гарри Поттере будут переведены на языки малых народов в условиях доминирования другого языка. Другими словами, предметом исследования в монографии оказывается, скорее всего, язык нормы (и язык большинства), что, как можно предполагать, искажает общую картину.

Именно этим ограничением, вероятно, и объясняется то, что в книге вообще не упоминаются европейские идиомы, обладающие как раз несомненной грамматической категорией неотторжимости, например, адыгейский язык и бесленеевский диалект кабардино-черкесского языка. В оправдание авторов, правда, можно сказать, что они и не претендовали на охват всех европейских языков и – в отличие от многих типологов – более ориентировались на качество материала, чем на количество исследованных языков. И действительно, та степень погружения в материал, которая наблюдается в «Расщепленной посессивности» редка даже для работ, охватывающих сравнимое количество языков, не говоря уже о типологических исследованиях, использующих более крупные выборки.

В целом, факты, приводимые в работе, представляют огромный интерес, но интерпретация их иногда выглядит несколько упрощенной. Прежде всего, это касается понимания авторами категории неотторжимой принадлежности. В монографии справедливо демонстрируется, что обозначения частей тела и термины родства нередко оказываются по разную сторону от границы, пролегающей между конструкциями отторжимой и неотторжимой принадлежности. Это, разумеется, могло бы объясняться и тем, что неотторжимость на деле – признак градуируемый, так что имена могут быть более или менее неотторжимыми и граница между конструкциями может варьировать. Вместе с тем материал некоторых неевропейских языков позволяет предположить, что обозначения частей тела и термины родства попросту могут тяготеть к разным «неотторжимым» конструкциям (такая картина наблюдается, например, в австралийском языке нунггубуйю [Heath 1984]). В этой перспективе разное поведение «эталонных» неотторжимой принадлежности может быть даже естественным.

Несколько смущает также исходное отношение авторов к противопоставлениям, связанным с типом посессора, как к вторичным.

Думается, что маргинальность места, которое отводится этим оппозициям в монографии, определяется исключительно видением авторов монографии. Ведь и противопоставление местоименных и неместоименных приименных посессивных конструкций, очевидно определяемое типом посессора, возможно, не является настолько базовым, как это изображается в работе. Взять хотя бы распределение между падежной и согласовательной конструкциями в русском языке, где падежная стратегия маркирования данных конструкций, типичная скорее для неместоименных посессоров, затрагивает и местоимения (ср. *его отец*), а согласовательная стратегия, преобладающая у местоимений, весьма активна и в зоне одушевленных имен (ср. *Машин отец*) – и таким образом, формальная граница между двумя конструкциями лишь отчасти связана с частью речи посессора. Более того, тип посессора вообще является одним из наиболее частотных факторов, влияющих на выбор посессивной конструкции и устройство именных групп; см., например, большинство статей в [Kim et al. (eds.) 2004]. Правда, тип посессора наименее влияет на выражаемое в конструкции отношение: зачастую (хотя и не всегда) речь идет лишь о его референтности или существенности в описываемой ситуации. Возможно, для подхода Штольца и исследователей его группы подобная привязанность к контексту как раз свидетельствует о вторичности этого фактора.

Это, впрочем, поднимает вопрос как раз о роли чисто семантических факторов в выборе посессивных конструкций. Как уже говорилось, авторы выделяют целый ряд факторов, которые, по-видимому, не осознаются ими в качестве базовых: фактически, определенность, сложность именной группы и фокус на определенных частях конструкции выглядят в их исследовании как «помехи» для изучения дистрибуции разных конструкций, иногда перевешивающие исходные факторы (с. 326). Между тем, такое противопоставление собственно семантической мотивации и прочих факторов не стоит понимать слишком строго. Известно, что и определенность, и наличие определений, и даже коммуникативная значимость отдельных участников коррелирует с ограничением на отношения, выражаемые в посессивной конструкции (см., например [Lichtenberk 2005; Lander 2004], а также [Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001] специально для терминов родства), так что и их нельзя рассматривать как «шум».

Поиски адекватного типологического и теоретического подхода к посессивным конструкциям фактически еще только начинаются, причем не только в функционалистском

лагере, к которому принадлежат авторы монографии. Как кажется, этой работе не помешали бы упоминания и анализ формальных работ вроде исследования К. Баркера [Barker 1995], впервые – насколько нам известно – противопоставившего «саксонский генитив» и «норманский генитив» в английском языке по возможности выражения ими отношений, заданных не лексически, или ставшей уже для многих классической статьи [Vergnaud, Zubizarreta 1992], демонстрирующей связь особого поведения французских терминов родства с семантикой их употребления. Несмотря на это, можно надеяться, что работа группы Штольца будет учитываться не только при обсуждении мальтийского, исландского и нескольких кельтских языков, в изучении которых она оставила особый вклад, не только в продолжающихся дискуссиях, посвященных месту европейских языков в общемировом контексте, но и в обобщающих исследованиях, авторы которых будут продолжать попытки понять, как устроены и функционируют посессивные конструкции в языках мира в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко (ред.) 1996 – *А.В. Бондарко* (ред.). Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.
- Иванов (ред.) 1989 – *Вяч.Вс. Иванов* (ред.). Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
- Журинская 1979 – *М.А. Журинская*. О выражении значения неотторжимости в русском языке // *В.Н. Ярцева* (ред.). Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.
- Чинчлей 1990 – *К.Г. Чинчлей*. Типология категории посессивности. Кишинев, 1990.
- Barker 1995 – *C. Barker*. Possessive descriptions. Stanford, 1995.
- Chappell, McGregor (eds.) 1996 – *H. Chappell, W. McGregor* (eds.). The grammar of inalienability. A typological perspective on body part terms and the part-whole relations. Berlin, 1996.
- Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 – *Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm*. Kinship in grammar // *I. Baron et al. (eds.)*. Dimensions of possession. Amsterdam, 2001.
- Heath 1984 – *J. Heath*. Functional grammar of Nunggubuyu. Canberra, 1984.
- Heine 1997 – *B. Heine*. Possession. Cognitive sources, forces, and grammaticalization. Cambridge, 1997.
- Kim et al. (eds.) 2004 – *J. Kim, Yu.A. Lander, B.H. Partee* (eds.). Possessives and beyond: semantics and syntax. Amherst (MA), 2004.

- Koptjevskaja-Tamm 2003 – *M. Koptjevskaja-Tamm*. Possessive noun phrases in the languages of Europe // Plank (ed.). Noun phrase structure in the languages of Europe. Berlin, 2003.
- Lander 2004 – *Yu.A. Lander*. Dealing with relevant possessors // J. Kim, Yu.A. Lander, B.H. Partee (eds.). Possessives and beyond: semantics and syntax. Amherst (MA), 2004.
- Lichtenberk 2005 – *F. Lichtenberk*. Inalienability and possessum individuation // Z. Frajzyngier et al. (eds.). Linguistic diversity and language theories. Amsterdam, 2005.
- Nichols 1988 – *J. Nichols*. On alienable and inalienable possession // W. Shipley (ed.). In honor of Mary Haas: From the Haas festival conference on native American linguistics. Berlin, 1988.
- Nichols J. 1992 – *J. Nichols*. Linguistic diversity in space and time. Chicago, 1992.
- Stolz et al. 2006 – *T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze*. On comitatives and related categories. A typological study with special focus on the languages of Europe. Berlin, 2006.
- Vergnaud, Zubizarreta 1992 – *J.-R. Vergnaud, M.L. Zubizarreta*. The definite determiner and the inalienable constructions in French and English // *Linguistic inquiry*. 23(4). 1992.

Ю.А. Ландер